

"владыка некрополя" или "владыка Запада" могли отсылаться к Осирису).

Функции Анубиса и "бога великого" в жертвенных формулах изначально, по-видимому, были четко разграничены (хотя позже во многом смешались): первый является гарантом обеспечения заупокойных ритуалов, своего рода посредником, помогавшим умершему благополучно вступить в новое посмертное существование (и поддерживать его с помощью заупокойного культа); второй играет роль владыки, определяющего право умершего на посмертные блага. Роль Осириса оказалась близка обоим этим божествам: он, с одной стороны, выступает как податель жертвенных благ, а с дру-

гой, воспринимается как владыка загробного царства, в котором живет умерший.

1. Dunham D. - Simpson W.K. The Mastaba of Queen Mersyankh III, G7530-7540. (Giza Mastabas 1). - Boston, 1974. 2. Hassan S. Excavations at Giza. 1929-1930 (Giza I). - Oxford: University Press, 1932. 3. Kanawati N.-Abder-Raziq M. The Teti Cemetery at Saqqara III. The Tombs of Nefereshehmer and Seankhuiphtah. - Warminster, 1998 (ACER 11).
4. Sethe K. Urkunden des Alten Reiches. - Leipzig: J.S. Hinrichs, 1933.
5. Ziegler Ch. Le Mastaba d'Akhethetep. Une chapelle funéraire de l'ancien empire. - Paris, 1993. 6. Лемзова А.А. К вопросу о значении зН nTr, "ковчега бора", в ритуальной практике Египта Древнего царства // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. - 2009. - Т. 8. - Вып. 1. - С. 92-100.

Надійшла до редколегії 13.03.12

А. Токарев, канд. ист. наук, ст. преподаватель
(г. Харьков, Украина)

РИМСКИЙ ИМПЕРАТОР И ГРЕЧЕСКИЙ ГЕРОЙ: САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕЗАРЯ АВГУСТА СРЕДИ РИМСКОЙ АРИСТОКРАТИИ

В статье рассматривается самопрезентация императора Августа как греческого героя Ореста.

In the article the author considers a representation of the emperor Augustus as Greek hero Orestes.

Лозунг "Месть за Цезаря", впервые провозглашенный М. Лепидом еще 16 марта, через день после убийства Г. Юлия Цезаря (Nic. Dam., Vita Caes., 27) играл ключевую роль в идеологии императора Августа на протяжении многих лет. В то же время, пропаганда понятия "ultio" (мщение) тесно переплетается в августовской идеологии с мифом об Оресте.

В позднереспубликанском Риме в среде аристократии было популярным сравнение римских политических деятелей с героями греческих мифов для создания позитивного или негативного образа того или иного политика. Ярким примером является ассоциация с "царем царей" Агамемноном Гн. Помпея Магна [см.: 3, р. 297-303], чье вызывающее поведение раздражало многих его современников, подозревавших полководца в стремлении к "царской власти". Плутарх, описывая настроения в лагере помпеянцев перед битвой при Фарсале, сохранил любопытное свидетельство: "Между тем, пока Помпей таким образом спокойно следовал за врагом, окружающие начали осыпать его упреками, обвиняя в том, что он-де воюет не против Цезаря, а против отечества и сената, чтобы навсегда сохранить свою власть и навсегда превратить тех, что считали себя владыками вселенной, в своих слуг и телохранителей... Домиций Агенобарб, называя Помпея при каждом удобном случае Агамемноном и царем царей, возбуждал к нему сильную зависть" (Plut., Pomp., 67, пер. Г. А. Стратановского, ср.: Plut., Comparatio Agesilai et Pompeii, 4; Caes., 41; App., B. C., II, 67; Dio Cass., XLII, 5). Впрочем, в письмах Цицерона мы находим намеки на то, что сам Помпей за несколько лет до этого стремился представить себя как нового Агамемнона (Cic., Att., VII, 3, 5). В 55 г. до .н. э. он устроил роскошные игры, которые вызвали среди римской аристократии вполне определенные ассоциации (Cic., Fam., VII, 1, 2). Вернувшись с Востока и узнав о любовной связи своей жены Муции с Юлием Цезарем, он называл их, по свидетельству Светония, не иначе, как Климтенестра и Эгисф (Suet. Div. Iul., 50).

Так же можно вспомнить самопрезентацию М. Антония как Геракла [Подр.: 1, р. 42-44; 12, S. 103-112; 13, р. 92-93; 16, р. 177-186; 22, р. 17-22; 24, р. 124-126; 25, р. 45-46]. Род Антониев возводил свое происхождение к знаменитому греческому герою через его сына Антона (RRC, № 494/2a; App., B. C., III, 16, 19; Plut., Ant., 4, 36, 60), а Плутарх отмечает, что самый

знаменитый представитель рода даже внешне походил на Геракла и старался подражать ему в одежде: "отличной формы борода, широкий лоб, нос с горбинкой сообщали Антонию мужественный вид и некоторое сходство с Гераклом, каким его изображают художники и ваятели. Это предание, которому, как уже сказано, придавало убедительность обличие Антония, он старался подкрепить и своей одеждой: всякий раз, как ему предстояло появиться перед большим скоплением народа, он опоясывал тунику у самых бедер, к поясу пристегивал длинный меч и закутылся в тяжелый военный плащ" (Plut., Ant., 4, пер. С. П. Маркиша). Сообщение древнего автора подтверждает находка в Помпеях резного кольца с изображением Геракла, которому приданы черты М. Антония [25, р. 45, fig. 35]. Также как и в случае с Гн. Помпеем Магном противники М. Антония с успехом использовали отрицательные мотивы в мифах о знаменитом греческом герое для его дискредитации, например, рассказ о пребывании Геракла в рабстве у лидийской царицы Омфалы. До наших дней сохранился отпечаток в глине и небольшие остатки серебряного кубка, который внутри был украшен рельефом. Последний содержит несколько сцен. На одной из них изображен М. Антоний в женской одежде, сидящий в колеснице, запряженной связанными кентаврами. Рядом с ним стоят две рабыни с зонтом от солнца и опахалом, всем своим видом намекая на женственность и любовь к роскоши своего хозяина [См.: 9, р. 159-166; 12, S. 111; 16, р. 183-185, fig. 2; 18, р. 89-102; 19, S. 64; 25, р. 57-60, fig. 45]. Антоний призывно смотрит на Клеопатру, которая, одетая в шкуру льва и с дубиной в руках, следует за ним во второй колеснице. Об этом же мифе вспоминает в одной из своих элегий и Проперций, тем самым иронично намекая на отношения Антония и Клеопатры:

"Если же вас устрашает мой вид и львиная грива, Волосы, что спалены солнцем Ливийской земли, Знайте, бывал я одет и в сидонское платье рабыни, Лидии веретеном свой выполняя урок:
Я волосатую грудь прикрывал себе мягкой повязкой, С этой же грубой рукой ловкой служанкою был".
(Propert., IV, 9, 45-50, пер. Л. Остроумова) [См.: 24, р. 125-126].

Для Октавиана выбор Ореста в качестве модели, без сомнения, был чрезвычайно удачным. Тонио Хельшер указывает, что эта мифическая модель настолько хоро-

шо подходит, что ее существование следовало бы предположить, даже если бы она не была засвидетельствована в источниках [10, p. 164]. Орест являлся мифическим прообразом мщения, а Октавиан сделал лозунг "месть за Цезаря" основным в своей идеологии в начале политической карьеры; Орест отомстил за своего отца Агамемнона, который был убит, а Октавиан отомстил за своего отца Юлия Цезаря; Орест стал противником Клитемнестры, жены Агамемнона, а Октавиан – противником Клеопатры, любовницы Цезаря; кроме того, Орест стал противником Эгисфа, любовника Клитемнестры, а Октавиан – противником Антония, любовника Клеопатры; Оресту пришлось бороться за принадлежащее ему по праву наследство против притязаний этой пары, а Октавиану – за политическое наследство Юлия Цезаря; Орест свершил свою месть по приказанию Аполлона, а Октавиан сражался под покровительством этого бога; Орест, наконец, пролил кровь родичей и нуждался в оправдании; победа Октавиана над согражданами также являлась осквернением, требовавшим очищения [4, p. 564; 10, p. 164; 23, p. 368-369].

Точка зрения Натали Чечиони, согласно которой "темная сторона" мифа об Оресте была использована антицезарианской пропагандой не сразу, а несколько позднее [2, p. 506], представляется нам некорректной. Подобные аналогии, возможно, возникли уже в 40-е гг. до н. э. и вначале, как мы полагаем, в лагере противников Октавиана. Отталкивающее изображение последнего в образе Ореста, возникшее в среде аристократии, заимствовал Вергилий. Майкл Девар еще в 1988 году справедливо предположил, что римский поэт, в конце первой Георгики, аллегорически сравнивает приемного сына Юлия Цезаря с героем греческих мифов. Ученый отметил, что Вергилий, возможно, полагал, что как верность Ореста долгу только усугубила его вину и возродила древнее проклятие, так и стремление Октавиана отомстить за отца стало продолжением наследственной вины его народа и привело к греховному пролитию римлянами римской крови в битве при Филиппах [4, p. 565; 5, p. 580-581]. То, что сравнение Октавиана и Ореста было хорошо известным риторическим приемом антицезарианской пропаганды подтверждает отрывок из позднеримского автора Клавдия Клавдиана. Поэт изображает Гонория, который подавил восстание, поднятое комитом Африки Гильдоном, как верного долгу мстителя за многие оскорбления, нанесенные его отцу Феодосию Гильдоном. Эта верность долгу затем сравнивается с верностью долгу Ореста и Августа и, разумеется, не в их пользу:

"Сих не забыв и гнев справедливый днес вспоминая,
Тешится карами он, торжествует во мстители сыне.
Мзду взыскал Орест мечом на Фиестиаде,
Но с благочестием грех смешался, и кара сомненна
Слава взнесла в равновес хвалу с материнскою казнью.
Юлиевы утолил ненавистною кровию маны
Август: но обратил благочестия славу неверну
Родине в скорбь, гражданским свершив кровопро-

литием тризну.

Здесь же дело отца, нераздельное с общим спасеньем,...

Миру свобода отднесь и отцу воздано отмщенье"

(Claudian., *De Sexto Consulati Honorii*, 111-121, пер. Р. Л. Шмаракова) [См.: 5, p. 580-582].

В то же время сторонники погибшего диктатора стали рассматривать Ореста как положительного героя. Уже во время погребальных игр в честь Юлия Цезаря, чтобы вызвать ненависть к его убийцам, пели отрывки из разных трагедий, среди которых была пьеса Атилия "Электра" (Suet. *Div. Iul.*, 84), которая представляла собой перевод

на латинский язык знаменитого одноименного произведения Софокла (Cic., *De finibus bon. et mal.*, I, 5). Стефан Тильг верно заметил, что трагедия, сочиненная по образцу Софокла, была выбрана для этого события не случайно, ведь в "Электре" Софокла справедливость мести Ореста нигде не оспаривается. Убив своих ненавистных противников, Орест выполняет свой долг, и пьеса заканчивается на ноте радостного триумфа. Во время после смерти Юлия Цезаря она должна была выражать идею мести. Поэтому пьеса отдавала Октавиану роль мстителя раньше, чем та могла оказаться полезной для оправдания неудобного прошлого [23, p. 369-370].

Скорее всего, уже после битвы при Акции, ознаменовавшей завершение гражданских войн, в образ Августа как Ореста стали вкладывать новый смысл. Точно также как греческий герой, отомстив, смог прекратить кровопролитие в доме Атрея, "Новый Орест" выполнил свой долг, лишив жизни убийц Юлия Цезаря, и тем самым уничтожил скверну гражданских войн, а заодно снял с себя "проклятье" участника братоубийственных раздоров.

Эти идеи воплотились в большое программное мероприятие. Гигин сообщает, что "кости Ореста были перенесены из Ариции в Рим и скрыты перед храмом Сатурна, который находился перед склоном Капитолия рядом с храмом Согласия" (Hyginus, *Fabul.*, 261, пер. Д. О. Торшилова; ср. Serv., *In Ver. Aen.*, II, 116). Клаус Фиттшен высказал весьма обоснованное мнение, согласно которому это событие следует отнести ко времени после битвы при Акции, когда Л. Мунаций Планк построил новый храм Сатурна, чье убранство должно было напоминать о морской победе над М. Антонием [6, S. 208-210; ср. также: 3, p. 309; 10, p. 165; 17, S. 454; 21, S. 264]. Перенос костей Ореста из святилища Дианы в Ариции в Рим празднует и "рельеф с виллы Медичи". На его заднем плане помещен храм Сатурна, перед которым находится погребальная урна сына Агамемнона, на переднем плане изображены Диана и Аполлон, боги-покровители Ореста и Августа [21, S. 264 sq.; см. также: 3, p. 309; 6, S. 192, *Anm.* 76; 10, p. 165]. Возможно, частью этого действия было также переименование статуи Ореста на родине героя греческих мифов, в Аргосе. Павсаний передает, что рядом с храмом Геры, располагавшемся между Микенами и Аргосом, среди других статуй находилось изображение Ореста, однако надпись на нем гласила, что это император Август (Pausan., II, 17, 4). Очевидно, что статуя репрезентовала Октавиана как мстителя [2, p. 506; 3, p. 309; 10, p. 164-165]. Филип Харди, в свою очередь, предположил даже, что "Энеида" Вергилия сыграла ту же роль для эпохи Августа, какую – Орестия для Афин V в. до н. э. [8, p. 29-45], а Стефан Тильг указал, что Овидий в "Скорбных элегиях" (Ovid., *Trist.* II, 395-396) намекает на то, что миф об Оресте был одним из любимых для самого Октавиана [23, p. 370].

Изображения Ореста становятся в это время весьма популярны среди римской аристократии. Хельга Фронинг привела весомые доводы в пользу того, что так называемый "рельеф Эгисфа" относится к эпохе Августа и выполнен в намеренно архаизированном стиле [7, S. 81-100, *Taf.* 25; ср.: 20, S. 28]. В отличие от традиционной иконографии, где изображение Ореста сопровождается преследующими его Эриниями, здесь они отсутствуют, в то время как сын Агамемнона он вершит месть над Эгисфом и Клитемнестрой. Следовательно, этот поступок рассматривается как справедливый. На связь с Октавианом, указывает и место находки рельефа, который был обнаружен в том же районе, что и святилище Дианы, на вилле близ Ариции [10, p. 165-166]. Хельга Фронинг также отнесла к эпохе Августа "рельеф с Орестом", найденный в

Неаполе. Показательно, что на нем Эринии изображены спящими, а Орест – с вынутым из ножен мечом [7, S. 72-80; ср.: 10, p. 166-168].

Однако, в конце концов, культ Ореста угас. В долгосрочной перспективе роль мстителя за отца и значимость Ореста оказались ограничены коротким этапом политической карьеры Августа. Поэтому культ Ореста остался эпизодом в процессе построения политического мифа об императоре среди римской знати [10, p. 168]. Впрочем, не следует забывать, что ассоциация Октавиана и Ореста сыграла намного более значимую роль, чем репрезентация Августа в качестве других греческих героев – Диомеда, Тесея или Геракла [1, p. 44-45; 11, p. 62; 14, p. 89-90; 15, S. 56-80].

1. Anderson A. R. Heracles and His Successors: A Study of a Heroic Ideal and the Recurrence of a Heroic Type // HSCPh. – 1928. – Vol. 39. 2. Cecioni N. Octavian and Orestes in Pausanias // CQ. – 1993. – Vol. 43. 3. Champlin E. Agamemnon at Rome: Roman dynasts and Greek heroes // Myth, History and Culture in Republican Rome: Studies in Honour of T. P. Wiseman. – Exeter, 2003. 4. Dewar M. Octavian and Orestes in the Finale of the First Georgic // CQ. – 1988. – Vol. 38. 5. Dewar M. Octavian and Orestes Again // CQ. – 1990. – Vol. 40. 6. Fittschen K. Zur Panzerstatue von Charchel // JDAI. – 1976. – Bd. 91. 7. Froning H. Marmor-Schmuckreliefs mit griechischen Mythen im I. Jh. v. Chr. – Mainz am Rhein, 1981. 8. Hardie Ph. The Aeneid and the Oresteia // Prosidings of the Vergilian Society. – 1991. – Vol. 20. 9. Hekster O. J. Hercules, Omphale, and

Octavian's "Counter-Propaganda" // Bulletin Antieke Beschaving. 2004. – Vol. 79. 10. Hölscher T. Augustus and Orestes // Travaux du Centre d'archéologie méditerranéenne de l'Académie Polonaise des sciences. 1990. – T. 30. – № 15. 11. Hölscher T. Augustus und die Macht der Archäologie // La révolution romaine après Ronald Syme: bilans et perspectives. – Vandoeuvres, 2000. 12. Hüttner U. Marcus Antonius und Heracles // Rom und der griechische Osten: Festschrift für H. H. Schmitt zum 65. Geburtstag. – Stuttgart, 1995. 13. Gurval R. A. Actium and Augustus: The Politics and Emotions of Civil War. – Ann Arbor, 1995. 14. La Rocca E. Amazzonomachia: le sculture frontali del tempio di Apollo Sosiano. – Roma, 1985. 15. Maderna C. Iuppiter, Diomedes und Mercur als Vorbilder für römische Bildnisstatuen: Untersuchungen zum römischen statuarischen Idealporträt. – Heidelberg, 1988. 16. Pérez P. I. La familia Antonia descendiente de Antón, hijo de Heracles: la manipulación de un mito // Studia Historica. Historia Antigua. – 2009. – Vol. 27. 17. Pfister F. Der Reliquienkult im Altertum. Gießen, 1912. Hbhd. 2: Die Reliquien als Kultobjekt. Geschichte des Reliquienkultes. 18. Ritter S. Ercole e Onfale nell'arte romana dell'età tardo-repubblicana e augustea // Héracles, les femmes et le féminin. – Bruxelles; Rome, 1996. 19. Schaubenburg K. Herakles und Omphale // RhM. – 1960. – Bd. 103. 20. Schollmeyer P. "Maecenas führt Augustus die Künste zu". Der Blick der etruskischen Eliten auf Augustus // Augustus, der Blick von aussen: die Wahrnehmung des Kaisers in den Provinzen des Reiches und in den Nachbarstaaten. – Mainz, 2008. 21. Simon E. Sterngottheiten auf zwei Augusteischen Panzerstatuen // WJA. – 1979. (N. F.) – Bd. 5. 22. Strazulla M. J. Il principato di Apollo: mito e propaganda nelle lastre "Campana" dal tempio di Apollo Palatino. – Roma, 1990. 23. Tilg S. Augustus and Orestes: Two Literary Clues // CQ. – 2008. – Vol. 58. 24. Welch T. S. The Elegiac cityscape: Propriety and the Meaning of Roman Monuments. – Ohio, 2005. 25. Zanker P. The Power of Images in the Age of Augustus. – Ann Arbor, 1988.

Надійшла до редколегії 13.03.12

Л. Шепко, канд. ист. наук, доц.
(г. Донецк, Украина)

ПРЕДМЕТЫ ИМПОРТА В ПАМЯТНИКАХ ДОРИМСКОГО БОСПОРА

Стаття присвячена аналізу імпортованих виробів, що зустрічаються в пам'ятниках доримського Боспору з метою дослідження характеру та тенденцій розвитку боспорського суспільства. Відзначені проблеми датування і локалізації центрів виробництва. Хронологічна і функціональна характеристика імпорту показує збереження традиційності боспорян в побуті та активну включеність Боспора в еллінський історико-культурний простір.

To investigate the character and tendencies of the development of the Bosphorus society the complex of the imported goods as part of the pre-Roman Bosphorus archaeological findings is considered. Special attention is paid to the problems of dating and localization of the manufacture centres. The chronological and functional description of the imported goods shows both the tendency to keeping traditional way of life in the Bosphorus people and their close links with the Hellenic historical and cultural space.

Историко-археологическое изучение Боспора Киммерийского имеет длительную историю. Но познавательные возможности накопленного материала еще не исчерпаны. Боспорская историография включает немало работ, посвященных анализу отдельных групп археологических источников.

В ряде публикаций рассматривались отдельные предметы импорта как показатель торговых связей. Наиболее исследованной категорией является амфорная тара. Внимание уделялось массовым находкам: расписной, чернолаковой посуде, терракотам, светильникам, украшениям. При этом исследователи чаще всего останавливаются на вопросах датировки, технологических особенностей, определения центров производства, объемов и направления торговых связей [1; 6; 15; 21; 27; 36]. Работы последних десятилетий, опиравшиеся на новые находки и методики, внесли существенные изменения и дополнения в существующие схемы.

В данной работе предполагается рассмотреть комплекс импортных изделий, встречаемых в памятниках Боспора VI–I вв. до н. э. (далее в тексте все даты относятся к периоду до н. э.), с целью использования в дальнейшем этого материала для исследования характера и тенденций развития боспорского общества. Изменения в составе и качестве импортных изделий могут говорить как о материальных возможностях отдельных групп населения, так и о социальных изменениях. В этом случае ориентируемся на то, что археологические находки отражают различные потребности общества в поддержании жизнедеятельности. Так как в статье ограниченного объема невозможно охватить все аспекты проблемы, то коснемся некоторых показательных категорий.

Уже предварительный обзор ввезенных предметов демонстрирует разносторонность связей и разнообразие импорта Боспора в VI – I вв. Однако определенные трудности представляют принципы группировки материала, которые зависят от цели анализа. Обычно ориентируются на центры производства продуктов и изделий. Импорт можно характеризовать и по такому признаку, как востребованность (необходимые продукты и предметы роскоши). Среди ввозимых товаров выделяются группы массового ввоза – вино и масло, и соответственно тара, характеризующая объемы поставок. Малыми партиями или на заказ ввозились парфюмированные масла и благовония.

Импортные изделия встречаются как в городах, так и сельских поселениях Боспора Киммерийского. Поселенческие комплексы дают массовые находки, главным образом тары и посуды.

Материалы некрополей дополняют картину, т.к. в захоронения попадали вещи специального назначения, нечасто используемые в быту, или же плохо сохраняющиеся в жилых комплексах. Индивидуальные, единичные находки скорее обнаруживаются среди погребального инвентаря.

В первое время своего существования греческие колонии Северного Причерноморья были тесно экономически связаны с метрополией. Обмен был на первых порах вызван, скорее всего, необходимостью получения тех товаров, производство которых еще не было налажено в городах. Со временем развитие собственного ремесленного производства оказывало влияние на структуру и объем импортных поставок. Боспорское население было заинтересовано в силу разных причин